

«...А МОСКОВСКИЙ КРЕМЛЬ СТОИТ, ДУМУ ДУМАЕТ»

Не надо корчить из себя Господа Бога.

(Из выступления Президента РФ на конференции в Мюнхене)

Геральдическое двуглавие можно истолковывать как угодно – и, в частности, как противоположение «русского» «советскому». К началу семидесятых годов в эмиграции различие между «клеветниками России» и «теми, кто наоборот» выразилось, помимо прочего, в следующем: консервативный лагерь («патриотический», «правый», «оголтелых реакционеров» и т.д.) стоял на том, что Советский Союз не есть Россия, он – дьявольская противоположность нашей родины (это слово писалось со строчной во всех эмигрантских изданиях вне зависимости от их национальной крепости – «Родина» с большой буквы шибала в нос чем-то до того красноречивым, что все хором кричали: «Чур меня!»). В остальном все зависело от ответа на вопрос: «Откуда есть пошел СССР?» Утверждавшим, что от исконных наших кнута и дыбы, клеился ярлык «русофоба». В «черносотенцах» ходили те, кто объяснял революцию следствием духовной интервенции бездуховного Запада в лице китайцев, латышей... тут возникла заминка, благо уже вовсю задавала тон «третья эмиграция». Сам Максимов, главный редактор «правого» «Континента» выехал по израильскому приглашению, в отличие от «левого» Синявского, что не могло не уязвлять Владимира Емельяновича: отъезд по еврейской линии для русского патриота малочтенен, к тому же отдавал сделкой с властью.

На страницах «Русской мысли» и «Континента» возмущались тем, что Запад по-прежнему пользуется словами «Россия», «русские», когда говорит о Советском Союзе: там уже давно осуществили задачу по созданию нового человека («советский человек» в переводе на антисоветский язык звучало презрительно: «гомо советикус»). В этом смешении «советского» и «русского» эмигрантская публицистика видела лишнее доказательство своей правоты, когда обвиняла Запад в «просоветскости», «трусости», «слепоте». Не забывали и знаменитую ленинскую веревку, которую алчные капиталисты приобретут у первого в мире пролетарского государства себе на погибель. Во избежание этого предлагалось учитывать «наш уникальный опыт». Была даже попытка ввести в обиход слово «советский» в качестве существительного: «советские вторглись в Чехословакию», «советские вторглись в Афганистан».

В противовес эмигрантским журналистам, публика, кормившаяся при университетах («наши плюралисты», по выражению Солженицына), была по преимуществу «западнической» и следовательно «антирусской», что не мешало ей, по крайней мере в глазах «патриотов», выполнять политический заказ Москвы: всячески разлагать свой любимый Запад. Помню, как Янова, видного «клеветника России», утверждавшего, что всем «лучшим» в нас мы обязаны царю Ивану и опричнине, с «веселой злостью» (по словам Агурского) разил Парамонов – в ту пору еще «солженицынец», еще не растерявший, по-видимому, свой «уникальный опыт».

Давно уже это Куликово поле поросло бьельем кавычек. Тогда всеобщим кошмаром была черная рука Кремля. А еще – нога советского солдата, вероятно, такого же цвета. Или гусеница советского танка, несущегося по мирным автобанам Европы. «Уже поздно спасать Россию, пора спасать от нее», – писалось в русских газетах.

Что дни Советского Союза сочтены, что вот-вот все рухнет к чертовой матери – мало кто сознавал в семидесятых. Похваस्ताюсь: я принадлежал к этому малому стаду. В советскую военную мощь я не верил: зрелище сотен их танков, ржавевших на полигоне в Негеве, мало к этому располагало. Но, конечно, у меня были и другие, более серьезные причины для оптимизма, какие – это отдельный разговор.

Возвращаясь к оппозиции «русское – советское». В свои эмигрантские семидесятые-восемидесятые я не поддался искушению видеть в Советском Союзе достойного продолжателя «славных русских традиций»: дескать, всегда были такими. Хотя мне, инвалиду пятого пункта, ничего не стоило привести СССР и Россию к общему знаменателю – им бы стал антисемитизм в качестве массовой проверки на благонадежность, причем достаточно успешной (помнить о том, что в истории Советского Союза так было не всегда, я не обязан – на моем веку было именно так и иначе быть не могло). Правда, с моей стороны это был бы акт самоненавистничества (см. Теодор Лессинг «Der Jüdische Selbsthass» – «Еврейская самоненависть»). Только объектом ненависти стало бы мое еврейство, а моя укорененность в русской культуре. Согласиться с тем, что советские свинные рыла – они же и гоголевские, означало рубить сук, на котором сидишь. Вообще-то есть такой способ ловить экстрим – это любимое занятие тех, кого во Франции называют «гош кавьяр» («леваками, едящими икру»), они убеждены, что в последний момент их подхватят. Род банджи. Но случается, что и не подхватывают.

Мне больше импонировало приравнивание России к Атлантиде, к Китежу, к «Стережущему», затопленному своим экипажем. Это дышало культурным пассажем, на который сам я не имел прав по двум причинам: как еврей и как советский эмигрант. Трудно сказать, чего было больше, смирения или гордыни, в причислении России к лику погрузившихся в Лету цивилизаций: Рима, Греции – ибо «Россия и СССР, как две семядоли: никогда не срастутся, как бы плотно друг к дружке ни прилежали».

«Континент» Максимова, при всей его партийности, «Русская мысль» Шаховской, со всем ее старческим занудством, выглядели честней московско-шестидесятичной фронды «Синтаксиса». Пусть даже секретарской прозе Максимова было как до Луны – до литературного дарования Абрама Терца – Синявского. Не говоря о том, что супруга Синявского Марья Васильевна соглей перешибет дюжину Шаховских. Да еще на Струве останется.

Но кнут выпал из слабеющей руки советской власти, а на пряник, обещанный в «перестройку», не хватило муки. Обидно. И перед лицом этой обиды Синявский и Максимов сплывают ряды – что им никак не удавалось под знаменами антикоммунизма.

Вскоре их обоих не станет – в последнюю минуту жизни их сплотил разгром антиельцинского Верховного Совета. Трудно сказать, каков был бы их вклад в русскую национальную идею, создаваемую «по новой». Скорей всего, никакого. Идеологи из молодых да поздних не дали бы им поучаствовать, и тогда к обиде на Ельцина прибавилась бы обида на его преемника.

Как в кадрили кавалеры меняются дамами – идеологи меняются идеями. Нынешний патриотизм больше не воздвигает стену между «советским» и «русским» и не объявляет попытку ее преодолеть происками ОГПУ-НКВД-МГБ. Все переменялось, патриоты настаивают на культурной, исторической, державной и, само собой разумеется, духовной преемственности сменявших друг друга поколений и эпох. Отрицающие это, напротив, играют на руку врагам России: их стараниями вносится раскол в общество. Все мы – Россия, все мы – дети Великия и Малыя и Белья Руси, а заодно и Красныя, и Коричневые. Это должно быть особенное чувство, оно должно по-особому впечатлять.

И впечатляет – всего сильнее, как ни удивительно, в сталинском фильме «Весна». Там съёмочные павильоны преобразуются в картины российской истории, единой для всех нас великой нашей истории – начиная от Пушкина «на брегах Невы» и кончая колонной «динамовцев», проходящих с песней по улице Горького. А нанизано это на шампур мелодии Дунаевского, волшебной меняющейся, но при этом одной и той же:

Товарищ, товарищ, в труде и в бою
Храни беззаветно Отчизну свою.

«Нет, – хочется сказать нынешним мастерам культуры, – богатыри не вы. Чтобы сделать такого класса агитку, надо было родиться в той России, которая к вашей, сколько бы вы ни пыжились, никакого отношения не имеет». (Хотя до конца не сбавывает даже у Дунаевского с Александровым. Ослиные уши все равно не спрячешь, все равно в полах халата доктора Джекилла путается мистер Хайд.)

Вот писавшееся без малого тридцать лет назад, своего рода попытка заглянуть в сегодняшний день: «...На вновь разреженное слово “Россия” наводится свекольный марафет, лишенный подлинного патриотизма, но представляющий немалый соблазн для патриотов, – забывают, что подмена омонимом страшней всякого запрета».

Когда я это писал, то не мог себе представить, что в ловушку омонима попадет Солженицын. Не то чтобы у меня над столом висел его портрет или я состоял в клубе прочитавших «Красное колесо». Но это был автор «Гулага», человек не просто бодавшийся с советской властью – забодавший ее! Он был предстателем за десятки миллионов вмерзших в землю трупов. И человечество, в том числе «передовое и прогрессивное», признало это. Он громче всех заявлял об «уникальности нашего опыта» – отчасти в оправдание той кондовой советскости, которой сам же клеймен. А в результате этот вроде бы пророк с пошлейшей помпой возвращается в эту вроде бы Россию, чтобы стоять против Кремля и кричать: «Долой Никсона! Долой Буша! Долой Америку!»

Когда в сорок пятом году на дымящихся улицах Праги несчастный эмигрант, завидев офицера с золотыми, как при царе, погонами, бросается к нему, это одно – и совсем другое, когда то же самое делает писатель, рубивший антифашистский советский пафос под корень: «Да чья бы корова мычала!» Сейчас от него слова доброго не услышишь об эстонцах, покусившихся на святое – на памятник воину-освободителю. А какими хорошими у него были эстонцы в лагере, куда за компанию с Иваном Денисовичем тот же воин-освободитель их затолкал.

Апогей самодискредитации Солженицына, которого в разгар эмигрантских баталий Эткинд назвал аятоллой, – это пассаж в защиту смертной казни. Так чего уж, спрашивается, хотеть от остальных? Как говорил Ходжа Насреддин, когда мулла пердит, вся мечеть срет. Зато Солженицына чтит Обезьянья Великая Палата, именуемая Думой и, как своему, отдает ему честь офицер КГБ – тот, что поставлен строителями во главу угла для надежности постройки.

Для меня бесспорно, что Советский Союз – Антихрист России, не в том смысле, что Россия зарифмована с Мессией, но в том смысле, что, являясь антиподом Христа, Антихрист представляет из себя точную его копию. И в этом соблазн. Тем не менее до конца пятидесятых культурный слой на месте катастрофы был еще тонок и ничего не стоило разгладить погребенную под ним страну, которую эмиграция тщила «унести на своих подошвах».

Первые «совки», первое добровольное предательство – это уже начиная с шестидесятых: Советский Союз с человеческим лицом, барды – «пасть порву» (якобы от избытка честности по причине заемной лагерности), пропахшая шашлыком эстрада, евтушенки всех мастей в пыльных шлемах. Тут-то и был вбит осиновый кол. Музыка – душа народа, не правда ли? Музыкальная культура черноморских здравниц пережила и фрейлахсы, преобразенные в революционные марши, и разлитую гармонию Захарова. Ирония в том, что весь русский «антикавказ» гуляет в ресторане «Кавказский». Мелодика российской попсы, от которой балдеют миллионы мещан всех возрастов, сплошь состоит из «задержаний» (перетяжек через сильную долю такта), которые позволяют певцам и певицам имитировать ставший обязательным еще в советской эстраде ориентальный акцент. И в нем, в этом акценте, русский ответ на русскую же идею.

Когда Солженицын заклинал русский люд: «Братие, покаемся», – это звучало комически с учетом реальной ситуации. Другое его заклинание, «жить не по лжи», сыграло с Россией злую шутку. Став честным, люд вынул из кармана кукиш: «Чиво? Нам еще и каяться перед кем-то? Да мы...» (типа гордимся собой и своей Великой Победой).

Идея национального покаяния сменилась идеей национального примирения, что выразилось в «перетаскивании трупов» – именно так озаглавил Ростропович свою статью в максимовском «Континенте» (в связи с перезахоронением Шалапина). Недавно останки двух белых генералов с воинскими почестями были преданы земле в Донском монастыре. Почему не у кремлевской стены, по соседству с Буденным? Мириться так мириться. Мы за Россию исторически единую и неделимую. Мы и вы – одна страна, один народ, один Бог.

В той мере, в какой сие истина, в той мере, в какой, присягнув одной России, присягаешь и другой, – в такой же мере признаешь историческую идентичность «свинных рыл вместо лиц». И тогда, выходит, прав Бялик, сказавший о русской революции: «Свинья перевернулась на другой бок».

15 января 2007 г.

НЕ НА СВОБОДНУЮ ТЕМУ

Накануне парламентских выборов одно периодическое издание предложило мне «отметиться» на своих страницах. Предложение было, как говорится, с благодарностью принято: издание влиятельное, читаемое, прямо держащее спину. Тема – свободная. Разве что желательно без

имен. Поскольку я не больно-то расположен к человеку, чье имя имелось в виду, то никакого насилия над собой мне делать не пришлось. Словом, разбежался и написал статью, снабдив ее соответствующим заголовком. С тех пор сколько-то воды утекло, редакция тянула с публикацией. В конце концов написанное мною так и не было опубликовано – вряд ли по идейным соображениям. Скорее всего, я не во вкусе заказчика. Старая история: «Она не в моем вкусе». Что ж, дело деликатное, материя тонкая. По крайней мере, льщу себя надеждой, что среди читателей есть и такие, чьим вкусам я в состоянии потрафлять. Если же мне и приходится о чем-то сожалеть, то лишь об одном: у темы, которой я касаюсь, нет срока годности.

Поставленная перед собою задача, если она правильно стоит, сродни самозачатию. Ее решение неотвратимо, это как роды. По этой причине готовых задач не бывает – в отличие от решений. Причем каждый – кузнец исключительно своей задачи.

Один писатель сказал: ум – это пуля в лоб. Дескать, страсть доходить до «сути», все распатронить, расковырять, перебрать, ничего не найти, стереть в порошок и сдуть с лица земли. Я категорически возражаю – ровно как в анекдоте о собственном мнении, с которым не согласен. Пуля в лоб это как раз скудоумие с его вечным утешением, что есть нечто великое, чего умом не понять, поверяемое только верой... Нет-нет, читатель, я не о том, о чем вы подумали. Просто хочу сказать, что мне достало ума, стоя у «врат задачи», ею, этой задачей, не пренебречь: уехать из страны, которая говорит на твоём языке и врата которой охраняет страж исключительно в расчете на тебя, – помните известный кафкаэск, притчу «У врат закона»?

Я начал с этого, поскольку от эмигранта с тридцатипятилетним стажем ждут эмигрантской темы. Приглашал же Толстой скульптора Гинцбурга в Ясную Поляну: «Приезжайте, будут гости, покажете свою мимику». Будем считать, что я ее показал.

Сегодня говорить о homo migratus можно только в прошедшем времени: он вымер, идея изгнанничества себя исчерпала. Скажут: она еще возродится, если и дальше пойдет так. Думаю, что если только так – то нет. Одна убитая ласточка весны не испортит, когда кругом хором: «Ребята, грачи прилетели!» Это в Потсдаме идет пьеса, название которой я счел за лучшее позабыть, – подзаголовок у нее: «Вечер памяти Политковской». Ну и что, а у нас свои радости, нам это неинтересно. И если быть честным, мне это тоже неинтересно. Муза обличения черных дел – самая бездарная. В мире так много интересного, кроме политики и водки. Позвольте вот, к примеру, поинтересоваться: абстрактное «ребята» в публичной речи по отношению к некоей не менее абстрактной референтной группе – что это? Кем чувствуют себя спорщики на общественные темы, когда то и дело апеллируют к каким-то «ребятам»? Пионерами? Мужиками, промышленящими одной большой артелью? Служивыми – полковник наш рожден был хватом?

Говоря, что эмиграция умерла идейно, я готов назвать момент, когда это конкретно произошло: когда понятие «советский» применительно к русским перестало восприниматься как национальная обида. Большинство настаивало на том, что Советский Союз – не Россия и говорить про него Russians, как это делают на Западе, – недопустимо. А малочисленная партия «руссофобов» им на это: «Все верно, ребята – то бишь господа. Совсем не немцу Марксу, поляку Дзержинскому и прочим шведам обязаны мы большевизмом, а себе самим, нашим исконным российским мерзостям». В тот момент, когда правое и левое полушария поменялись местами, а «национальное покаяние» в качестве лейтмотива уступило место «национальному примирению», тогда-то эмиграция идейно влетела в свое зазеркалье.

Я помню тех, кто еще изъяснялся на «пряничном» русском языке – кого отделяли десятилетия от моего совсем свеженького советского прошлого. Какая тоска! Ассоциативный ряд допотопный. Окостенение, неулавливание интонаций, непонимание шуток. Хуже. Того, что не понимали, – тоже не понимали, как люди, чьим обществом тяготеются, а им это даже невдомек. По логике вещей, сегодня я – такой же. Только все вежливые, виду не подаю, вот и заблуждаешься на свой счет. Ну, скажешь себе порой – или кто-то из домашних скажет: да не лезь ты со своими рассуждениями, ты там не живешь, толком не жил, это людей только раздражает, ты не замечаешь.

Н-да. Алла Пугачева выступает в Израиле перед аудиторией в десяток тысяч голов, и все они свои, все они наши люди: «праздник со слезами на глазах», и ее все так любят, и она так любит всех, и в умилении она восклицает: «Евреи! Давайте помирился с арабами!»

И тишина... Мертвые с косами.

Тем не менее я привычно лезу не в свое дело. А что как взглянуть на все с другой стороны? Не как мой друг: «Ну что мы за страна такая? И все-то нам не впрок. Революция не впрок, ре-

ставрация не впрок, победа на войне не впрок, проиграли – не впрок, полезные ископаемые не впрок, свобода – не впрок, рабство – не впрок. Ох, и догадал же меня черт...»

– Русские! – восклицаю я, вдохновленный примером Аллы Пугачевой. – Давайте мыслить позитивно («think positive»), нельзя всегда жить с чувством надвигающегося конца света. Даже если это, согласно Бердяеву, следствие вашего мессианского сознания. Ну на фиг вам эта палата мордов? Говорите, больше не включаете телевизор? Вот и славно, глядишь, снова начнете склонять числительные. Все прибрал к рукам орден щитоносцев – принесший России столько горя, как, может быть, никто и ничто? Но это означает только одно: они перестали быть замкнутой структурой. Не имея иммунитета к новой среде обитания, эти инопланетяне долго не протянут. Известно, чем кончилось воинство, возвращенное из зубов дракона (см. миф об аргонавтах). Что там еще мешает нам жить – гламурные вкусы сильных мира сего? Порадуемся, что их дурновкусие узурпировало Серебряный век, спонсировавшийся купцами, а не великий русский роман и вообще всю дворянскую культуру – по примеру коммунистов. Теперь, когда «Воскресение» вот-вот уберут с глаз подальше, а клясться начнут Ахматовой, станет возможно прочтение русской литературы XIX века без того, чтобы ее предварительно отбили в школьной столовке до состояния подошвы.

Клерикальное государство, православный хомейнизм? В стране, где легче верблюда продеть в игольное ушко, чем ударить Рождественским постом по новогоднему салату оливье? РПЦ, конечно, может сделать послабление. Церковь жива кровными узами с народом-гегемоном, настолько нерасторжимыми, что – надо будет, вылушит из себя христианство. Однако очень скоро уже – если все пойдет по «плану», в котором «победа России», – церковь примется хватать светскую власть за фалды в попытке удержать ее в «наших» рамках. Не поможет. Под улюлюканье тех же «нашиков» Патриархия будет упрямлена – не так, так эдак. Уже проходили. Надо лишь немного потерпеть. Поэтому не гневите Бога: лучше пусть, пока еще это возможно, дети поучат в школе Священную историю – чтобы, оказавшись в Эрмитаже перед картиной, изображающей дяденьку и тетеньку с ребеночком на ослиати, не кидаться первым делом читать объяснение: а что это?

Нет, все не так страшно. Главное, постарайтесь, ребята, расслабиться и получить удовольствие.

21 декабря 2007 г.